УДК 94(480)

Маркку Кангаспуро

Финляндия и Россия в затянувшейся войне? Преходящее и неизменное в образе России времен Зимней войны

Повествования о войнах против Советского Союза являются неизменной частью финского народного исторического представления о финскости и Финляндии. При этом войны задают жесткие рамки, в которых оцениваются Россия и русские. Я рассматриваю в своей статье как происходившие в публичной сфере изменения, так и неизменные константы в образе России в период Советского Союза и так называемой финляндизации и в период, последовавший в 1991 г. за распадом Советского Союза. В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, изменился ли образ России в рамках дискуссии о Зимней войне, и если так, то сравнить изменения с интерпретациями периода финляндизации.

В качестве материала для исследования мной использовались публикации в *Helsingin Sanomat* 1979–2010 гг., по большей части статьи, которые появлялись в основном за неделю до или в течение нескольких дней после того или иного десятилетия начала и окончания войны. Первые такие публикации относятся к 40-летней годовщине — в 1979–1980 гг. было опубликовано 18 статей. Сорокалетняя годовщина была взята в качестве момента сравнения, а также чтобы представить десятилетия финляндизации, когда в Советском Союзе царили брежневские застой и консерватизм. Следующий отрезок — 50-летняя годовщина Зимней войны и 31 статья, посвященная ей, когда Михаил Горбачев проводил политику перестройки и гласности (1989–1990). Тогда Советский Союз переживал глубокий духовный и политический перелом, и пресса начала

публичную дискуссию о сталинских гонениях и других темных историях, сделав их объектом и средством политической борьбы. Третий комплекс публикаций относится к 70-й годовщине (2009–2010), тогда было опубликовано больше всего статей — всего 99 (66%) из общего количества 149 статей. Связанные с 70-й годовщиной повествования были представлены во всех исследуемых жанрах, т.е. в передовицах, новостной информации, репортажах, статьях экспертов. По сравнению с другими годовщинами во всех упомянутых жанрах публикаций было больше.

Я исследую материал с помощью метода качественного анализа, т.е. рассматриваю образ России в конкретном контексте каждого десятилетия. При анализе я использую концепт «историческая политика», что подразумевает построение и использование исторических исследований сознательно или интуитивно для определенных интенциональных целей. Используемый в политической истории термин «историческая культура» определяет рамки, в которых в общественном сознании возникают наиболее влиятельные популярные исторические представления о прошлом народа. Проходящая в медиа дискуссия имеет определяющую роль в создании этой народной истории.

Историческая культура и связанные с ней популярные исторические представления действуют у всех народов в качестве основной структуры национальной идентичности. Построение идентичности, в свою очередь, всегда происходит в отношении другого, *чужого*. В случае Финляндии эта роль отдается России. У истории Второй мировой войны и особенно у Зимней войны — центральная роль в построении финской национальной идентичности и создании «восточной чуждости».

Связанная с национальной культурой коллективная память (историческая культура) всегда оказывает влияние на политический дискурс. Историческая культура обращена не только к прошлому, но и к настоящему. Народные исторические представления прочно строятся также на ожиданиях будущего, и в силу этого политические изломы и изменения горизонта ожиданий будущего всегда также отражаются на исторических дискуссиях и народных исторических представлениях. Таким образом, в рассматриваемый период можно видеть два тотальных горизонта ожиданий и их драматический перелом. Первым горизонтом ожиданий была роль Советского Союза как второй супердержавы и важнейшего реально-политического актора внешней политики Финляндии. Другим послужило изменение, вызванное распадом Советского Союза в 1991 г., когда горизонт ожиданий Финляндии сместился на интеграцию в западноевропейские организации и разрыву с прежней восточной политикой, которую начали называть также финляндизацией.

Медиа играют центральную роль в создании исторических образов или обусловленных различными интересами и концепциями повествований о любых периодах и местах. Йорма Калела писал о *public histories* и *social memories*, нормативное значение которых исключительно велико[1]. Без сомнения, к «пуб-

личным изложениям» истории относится и та интерпретация политической истории, которую в Финляндии политики, медиа и гражданское общество используют в истолковании Зимней войны и еще более широко — истории Второй мировой войны.

Медиа являлись как субъектом, так и объектом в последовавшем за холодной войной процессе изменений, в котором выстраивался новый образ нации, представление о нас самих как о части глобализирующегося мира и особенно в отношении нашего восточного соседа. В глобальном мире значение национальных государств не остается прежним. Хотя представления медиа о Зимней войне, академические исследования, социальная память народа и история культуры в совокупности содержат в себе многие спорные интерпретации, касающийся ее нарратив, как кажется, остается неизменным. В Финляндии разные интерпретации истории нередко возникают в прочной связи с отношениями с Россией и господствующими в ней историческими представлениями. Это является еще одной причиной исходного предположения этой статьи — что крушение Советского Союза и произошедшие за этим политические перемены в России повлияли также на складывающийся в Финляндии ее образ и интерпретации Зимней войны.

С народной историей Зимней войны всегда прочно связано нормативное представление интерпретаций Второй мировой войны. Калела определяет значение подобного рода нарративов (например воспоминания отцов и дедов о войне и утраченной Карелии, интерпретации ветеранов войны, политиков и медиа) «как иные фольклорные типы, имеющие также нормативную функцию, так как они транслируют образы социального поведения (и мышления)»[2]. В этом случае помимо прочего речь идет о тех образцах, которые определяют образ мыслей и действий патриотичного гражданина, т.е. о том, где проходят границы интерпретаций общественно одобряемых и опубликованных исторических работ. В этой связи с полным основанием можно говорить также об историко-культурном или историко-политическом поведении[3], значение которого особенно велико, когда речь идет о какой-либо национальной военной истории.

Йорн Рюсен подчеркивает общественное значение исторической культуры и народных исторических представлений и их важное моральное измерение[4]. По мнению Рюсена, образно воспринимая прошлое, человек выстраивает содержащие разный нравственный опыт нарративы. В свою очередь, они оказывают воздействие на определение того, что в современное им время является нравственно приемлемой деятельностью[5]. Следовательно, рассуждения о духе Зимней войны, ее обосновании, значимости ветеранов войны и Советского Союза и его мотивов как врага включают неразрывное политическое и моральное измерение. Хотя у этой дискуссии нет обязательной непосредственной связи с результатами исторического исследования, в силу этого оно становится используемым медиа ресурсом общественной и моральной дискуссии и орудием интерпретаций.

Историческую политику можно понимать, как активное и целенаправленное использование истории для достижения определенных целей (например, для возвращения утраченных в Зимнюю войну территорий или изменение политики нейтралитета Финляндии). Помимо сознательной деятельности к использованию исторической политики причисляют также функцию транслятора политических смыслов, что необязательно происходит через преднамеренные и сознательные действия. В этом отношении история сплошь пронизана политическими смыслами. Паули Кеттунен замечал, что политическое измерение истории возникает в процессе, в котором у событий минувшего создаются значения всякий раз, когда описываются происходящие изменения[4]. Этот исходный пункт политизированности истории особенно хорошо заметен в период перестройки в Советском Союзе и связанных с его распадом последствий, когда по-новому интерпретировалась история Зимней войны и неразделимо связанная с нею так называемая проблема Карелии. В публичных выступлениях ставился вопрос как об интерпретации всей военной истории Финляндии, так и о последствиях распада Советского Союза, его преемнице России, окончании холодной войны. Один из основных вопросов, поставленных в данной статье,— как эти изменения повлияли на образ России, когда в прессе обсуждалась Зимняя война.

Во время холодной войны структуры, определявшие сложившиеся институциональные международные отношения, «сместились в историю». На их месте возникла новая система международных отношений, таких как Европейский союз и расширенное НАТО, которые также определяют положение Финляндии и России и создают для обоих государств иной горизонт ожиданий в изменениях в интерпретациях в последнее время, следовательно, и приданию нового смысла событиям в истории. Крах Советского Союза, расторжение договора о дружбе и сотрудничестве и расширение Европейского союза создали новую политическую ситуацию, которая запустила в Финляндии виток пересмотра исторических интерпретаций, прежде всего в отношении Советской России и Финляндии. В статье я стремился также ответить на вопрос, насколько и на каких уровнях финляндизация в конце 1970-х гг. и в 1980-х гг. повлияла на проходившую дискуссию о Зимней войне и сильно ли после этого изменились образы России и русских.

На данный вопрос можно сформулировать два гипотетических ответа. Первый сводится к тому, что после крушения Советского Союза пресса освободилась от господствовавших во времена финляндизации требований двойственного морализма и необходимости воспроизведения ложного образа Зимней войны. Высвобождение привело к честному обсуждению прошлого и одновременно обновлению старого образа России. При этом альтернативным направлением стало то, что современная интерпретация Зимней войны сделала более контрастным образ России и подчеркнула прежнее противопоставление. Как в научной литературе, так и в средствах массовой информации можно увидеть преобладающее представление, что во времена Советского Союза Финлян-

дия впала в настолько глубокую самоцензуру и лживую финляндизацию[5], что о Зимней войне нельзя было говорить без ложных самообвинений, подкрепляемых просоветскими интерпретациями. Это касается также общей недооценки ветеранов войны, если не прямого их принижения.

Собственный нюанс в дискуссию и в горизонт ожидания внес процесс интеграции Европы. Ведущей идеей внешней политики Финляндии с момента распада Советского Союза было присоединение к Европейскому сообществу (позже — Европейскому союзу) и необходимость обоснования этого народу. Это оказало явное влияние и на зарождение новой национальной европейской идентичности. Новая идентичность заменила заклейменную «восточной» идентичность Финляндии, основанную на следовании политике нейтралитета, предусмотренной договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, нахождения вне противоречий великих держав. В этом новом национальном проекте близость России по-прежнему оставалась центральным ресурсом построения национальной идентичности.

Застывший образ Зимней войны

В рассматриваемых материалах газет в образе России периода Зимней войны на протяжении десятилетий преобладали интересы Советского Союза как великой державы, Сталин и военнопленные. Русские или советские первоначально не возникали как индивидуумы, но представали прежде всего как красноармейская масса или как проигрывавшие героизму финнов, как военнопленные. Довольно типичным примером являются проведенные в Нурмесе по случаю 40-летия начала Зимней войны мероприятия, относительно симпатично показанные в репортажах, но при этом финское превосходство изображалось на фоне встречи лыжных дозоров с красноармейцами. Во время одного дозора группа Пекка встретила 40 советских солдат, но при этой встрече не было сделано ни одного выстрела. Негнущиеся обмороженные пальцы и неспособность красных солдат обороняться заставили поставить ружья на предохранитель и уйти в противоположном направлении (Helsingin Sanomat. 1979. 02.12).

Основанный на действительных событий Зимней войны образ брошенных зимой на Финляндию и почти небоеспособных русских солдат повторяется во многих повествованиях. Это очень подходит для выстраивания финской идентичности вокруг героической войны. В репортажах о днях памяти в Нурмесе также никоим образом не видно финского образа России или упоминания о политике дружбы. В оставшейся анонимной торжественной речи оратора прозвучали прощальные слова героя Зимней войны Франса Иломяки, призывавшего: «Держите, парни, порох сухим и во время мира». В этой и других речах Россия представала в будущем как враг. В этом случае Зимняя война использовалась как типичный политический ресурс, у которого в настоящем есть определенное значение — вооружение сил обороны и патриотическая

жертвенность — на основе интерпретации минувшего или исходя из горизонта ожидания будущего на момент Зимней войны (образа России как врага).

На это указывала цитата из торжественной речи священника православной общины Мартти Хонкасало, произнесенной по случаю открытия памятника. Хонкасало красочно описал необходимость жертв войны, в которой требование жертвенности оставалось действенным и в будущем: «Родине нужны порой доноры, и 40 лет тому назад израненной Финляндии их потребовалось много». Согласно *Helsingin Sanomat*, на торжествах в целом царил дух мощного патриотизма и почитания ветеранов войны. В отличие от репортажей, в торжественных речах, напротив, недоставало духа патриотизма и почитания ветеранов войны.

Несколько дней спустя Юкка Таркка писал в своей статье, посвященной только что опубликованным воспоминаниям Ю. К. Паасикиви и книге Макса Якобсона "Diplomaattien talvisota", что «Зимнюю войну плотно окружает национальная слава. Особенно в последние дни на ореол наведен такой глянец, что он мешает увидеть суть дела. Финляндия проиграла Зимнюю войну» (Helsingin Sanomat. 1979. 06.12). Таркка, для которого политика советского руководства была прежде всего оборонительной реакцией на угрозу Гитлера, принимал и формирование правительства Куусинена. Он приписывал формирование Терийокского правительства ошибочной оценке ленинградского партийного руководства и проводимой им идеологической политике. Обоснование в свете современных знаний не выдерживающее критики, к тому же образование правительства Куусинена определенно являлось распоряжением самого Сталина, но в пределах используемого Таркка рационалистического обоснования действий Советского Союза такая интерпретация уместна.

По логике великодержавного дискурса Таркка, отнесение образования правительства Куусинена на счет иррациональной революционной идеологии ленинградского партийного руководства отводит советскому руководству роль рационально действующего великодержавного актора. Согласно этой интерпретации, правительство Куусинена было дорого для советского правительства как так называемая сторона переговоров, пока война шла как руководимая Ленинградом «приграничная стычка». Когда Москва позже взяла бразды в свои руки, Куусинен был отброшен.

В способе обоснования обнаруживается также прежний финский нарратив о России — Советском Союзе, во главе которого стоит доброжелательный по отношению к Финляндии вождь или царь, но им руководят плохо понимающие или предоставляющие ошибочные сведения советники. Этот способ интерпретации обнаруживается также в финской национальной исторической литературе, в которой одобрение созыва сейма в Борго в 1809 г. царем Александром I истолковывалось как возвышение Финляндии как нации, а ограничение автономных прав Финляндии объяснялось программой представителя царя генерал-губернатора Николая Бобрикова. Той же логике следует Таркка,

проводя различие между рациональностью советского руководства и империалистическими захватническими планами Советского Союза, когда он называет действия обладающего весьма незначительным влиянием ленинградского партийного руководства идеологическим сумасбродством. Правда, следует заметить, что во время публикации у исследователей не было в распоряжении современных архивных материалов. Объяснение Таркка было возможным при имевшихся тогда источниках, и оно особенно хорошо подходило в качестве интерпретации действий преследующего интересы своей безопасности Советского Союза как великой державы.

Моральное и политическое основание Зимней войны Таркка не ставит под сомнение, но также и не называет Советский Союз единственным виновником войны. В этом нарративе оба — как Советский Союз, реагировавший на события в Европе, так и Финляндия, реагировавшая на политику Советского Союза — будто с неизбежной неотвратимостью оказались в состоянии войны. «Урок Зимней войны» в сочинении Таркка заключается в том, что нынешние хорошие отношения с Советским Союзом не были бы возможны, «если бы политика правительства и отношения народов оставались бы такими же, какими они остались после Зимней войны», эта мысль повторялась в почти неизменной форме до 1990-х гг.

До начала 1990-х гг. (т.е. до распада Советского Союза) советская интерпретация Зимней войны прочно оставалась в рамках дискурса сферы интересов великой державы и холодной войны. Моральное и политическое основание ни в один из периодов не ставилось под сомнение, напротив, «уроки» Зимней войны — необходимость учета интересов безопасности Советского Союза и сохранения доверительных отношений с соседними странами — были повторяющейся темой. Советский Союз представал в этом дискурсе как великая держава, недоверчиво и ревниво контролирующая свою сферу интересов, доверие которой Финляндии удалось завоевать избранным новым курсом и отказом от некоторых явлений в нашей собственной политике 1930-х гг. В этом дискурсе Советский Союз представал также изменившимся, иным, нежели он был до Зимней войны. Заголовок передовицы в *Helsingin Sanomat* (1979.30.11) «Взгляды на будущее» был типичным для дискуссии о Зимней войне и Советском Союзе. Изображаемый ею Советский Союз был своей непонятностью и, пожалуй, некоторой своей наивностью раздражающим и непредсказуемым в войне соседом Финляндии, который, однако, теперь изменился вместе с Финляндией. При обсуждении причин Зимней войны констатировалось недопонимание политическим руководством Финляндии интересов безопасности Советского Союза, но считалось достаточным наличие действующих договора и способов урегулирования[6]. Участие Финляндии в развязывании войны самокритично объяснялось неспособностью понять психологию недоверия соседа: «В Финляндии 1930-х гг. было много явлений, которые усиливали подозрения Советского Союза; речи о Великой Финляндии, ориентация на Германию

и застарелая русофобия». Из этого подчеркивания психологической стороны можно прийти к мысли, что дело заключалось не только в обоснованной обеспокоенности Советского Союза безопасностью, но, скорее, в иррациональном глубоком недоверии к соседу.

В этой же связи высказывается суждение, что с учетом всех обстоятельств война не была неизбежной вследствие политики советского руководства. Советский Союз был в конце концов традиционным врагом, стремившимся захватить Финляндию и отказавшимся от идеологических целей лишь тогда, когда отрекся от правительства Куусинена и признал законное правительство Финляндии. В качестве причины войны все десятилетия упоминался также заключенный осенью 1939 г. пакт Молотова–Риббентропа, который закрепил образ не внушающей доверия державы — Советского Союза. Он представал и как опасный сосед, с которым сложившиеся современные «доверительные отношения» основывались в конце концов на пролитой в Зимнюю войну крови. С другой стороны, Советский Союз изображали также соседом, с которым всё было в порядке, только нужно следовать «реально-политической» линии Паасикиви, «ядром которой было признание “легитимации интересов” Советского Союза и соблюдение договорной системы» (Helsingin Sanomat. 1979. 30.11).

В рамках данной интерпретации образ Советского Союза до некоторой степени двойственен. С одной стороны, это страна, которая изменилась и с которой избрали доверительные отношения исходя из опыта войны. С другой стороны, в этой интерпретации имплицитно содержится убеждение, что Советскому Союзу никоим образом, однако, нельзя доверять в силу его иррациональных элементов (психологическое недоверие и идеология); именно это привело к Зимней войне, хотя и Финляндия до войны действовала иначе. Образ Советского Союза как великой державы был также двойственным. С третьей стороны, это было государство, действия которого определялись его геополитическими интересами безопасности в Европе. Оно лишь реагировало на события в Европе, прежде всего на политику Гитлера, и в основном из соображений обороны.

Другой линией в определении Советского Союза было рассмотрение его политики с учетом личности Сталина. В этом случае действия страны носили печать спонтанности, диктаторского каприза и нерациональности. В этом контексте Советский Союз / Россия представал в роли иррационального ненадежного соседа. Главный редактор *Helsingin Sanomat* Олли Кивинен рассматривал политические перемены в Восточной Европе 1990 г. и писал о неспособности «красных» и «черных» диктатур использовать информацию и о предоставлении диктатору искаженной, но приемлемой для него информации. Исходя из этого Кивинен брал в качестве примера начало Зимней войны, которая, по его мнению, была вызвана предоставленной Сталину ради его расположения «полностью ложной картиной» ситуации и информации о Финляндии. В этом дискурсе образ Советского Союза выстраивался через выросшую в исторической культуре до зла символических масштабов фигуру Сталина. В целом дискурс

о Советском Союзе при Сталине не был, однако, особо заметен, и упоминания Сталина чаще были довольно лаконичны и связаны с его положением в руководстве Советского Союза.

После крушения Советского Союза в теме великой державы сразу зазвучал дискурс, в соответствии с которым финляндизация была вынужденным проявлением дружественности, которой в Финляндии в действительности не испытывали. Паасикиви и Кекконен только делали из необходимости добродетель, в силу чего даже историю войн начали интерпретировать в соответствии с этой необходимостью (Helsingin Sanomat. 1991. 29.12). Отличие от образа, предшествующего году распада Советского Союза, было велико.

Когда речь заходит о России как преемнице СССР и о Зимней войне, то из картины полностью устраняются даже мысли президента Койвисто об «уроках Зимней войны», элементе построения доверия и бремени необходимости учета интересов безопасности великой державы, высказанные в предшествующем распаду СССР году. Торжественная речь по случаю 50-й годовщины окончания Зимней войны, сказанная Койвисто в марте 1990 г., когда Советский Союз трещал по всем швам, — его крушение, правда, не слишком многие могли предсказать — была выдержана в рамках традиционного дискурса великой державы. С Советским Союзом приходилось сосуществовать, так как «географическое положение наше не изменилось, как и наш исторический опыт». После распада Советского Союза из его образа времен Зимней войны сохранилось прежнее свидетельство, но не уроки. На первый план вышли несправедливость нападения Советского Союза и самые личные человеческие переживания.

Шизофреническое доверие

В произнесенной президентом Мауно Койвисто во дворце «Финляндия» по случаю 50-летия окончания Зимней войны речи уроки той войны были сформулированы почти в тех же самых словах, что и в сочинениях, опубликованных десятилетием ранее. Советский Союз был прежде всего великой державой, чьи интересы безопасности необходимо было учитывать. «Мир по окончании Зимней войны создал устойчивую ситуацию, которую война-продолжение уже не могла существенным образом изменить». Следовательно, в интерпретации Койвисто, соседняя держава стремилась с помощью Зимней войны обеспечить свою безопасность, которая в заключенном после войны-продолжения мире уже по большей части перестала быть актуальной (Helsingin Sanomat. 1990. 14.03).

Рассуждения Койвисто о причинах Зимней войны были двоякими. С одной стороны, он изображал вовлечение Финляндии в войну, подчеркивая ее пассивность и уклоняясь от рассмотрения более важных ролей, сыгранных в событиях Советским Союзом или Финляндией. Чувства финнов он изображал так: «В войне оказались, ее не хотели, не верили, что она разразится». Представленная Койвисто интерпретация Советского Союза выражала считавшийся

кекконовским тезис о необходимости создания доверия. Зимняя война была, по мысли Койвисто, порождением кризиса доверия с обеих сторон, за что они и несут ответственность. С другой стороны, причиной являлась неспособность Финляндии понять, что Советский Союз не доверяет способности и желанию Финляндии предотвратить возможное нападение на Советский Союз через свою территорию. Причиной также было то, что в Финляндии «верили в заключенные соглашения и Лигу Наций, а предостерегающие голоса слышать не хотели». Здесь Советский Союз изображался как без повода начавшая Зимнюю войну великая держава, подозрения которого не смогли преодолеть ради сохранения доверительных отношений. В речи Койвисто проявились элементы как иррационального, так и рационального в интерпретации великой державы.

Представленная Койвисто в 1990 г. интерпретация Зимней войны в последние годы действовала в качестве обоснования остававшегося в силе договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, основным содержанием которого было устранение любой возможности использования территории Финляндии для нападения на Советский Союз или заключения Финляндией направленных против Советского Союза соглашений с какой-либо державой. Конъюнктура международной политики, слом Берлинской стены и перемены в Европе, выход государств Балтии из Советского Союза и вскрывшиеся проявления его распада, согласно внешнеполитической линии Финляндии, никак не повлияли на созданные этим договором рамки дискурса доверия, в которые был помещен Советский Союз.

Дискурс доверия породил также самый «интимный» образ Советского Союза, основные выводы из которого являлись при этом факторами возникновения так называемого «явления финляндизации». Устранение подозрений и создание доверия не были делами, которые можно было бы совершить с помощью только лишь договора, поскольку в них не могло не сказываться влияние чувств и повседневной практики. В достижении доверия противоположной стороны личностное и близкое общение всегда играет важную роль. В отношениях на государственном уровне это неизбежно превращается в констатацию значимости персонального знакомства глав государств, контактов и личностной химии. В истории Финляндии это нередко связывают с восточной политикой президента Кекконена, основанной на его доверительных отношениях с советским руководством. Хотя можно ставить под вопрос, насколько особой была восточная политика периода Кекконена, она всё же на самом общем уровне не была настолько исключительным явлением, как нередко считают. Примером могут служить доверительные личные отношения между федеральным канцлером Гельмутом Колем и французскими президентами Франсуа Миттераном и Жаком Шираком, способствовавшие преодолению оставленного войной бремени в двусторонних отношениях.

Хорошие русские

Свободная дискуссия в период гласности и перестройки вызвала и в Советском Союзе новые и разнообразные толкования всей его истории. Стала поступать новая информация о Зимней войне, получаемая из открытых после краха Советского Союза российских архивов. Это породило явление так называемых «хороших русских», благодаря которым средства информации публиковали такие заявления экспертов и комментаторов соседней страны, которые подтверждали финские взгляды на Зимнюю войну. Одним таким вопросом был давно вызывавший споры инцидент с выстрелами в Майнила, которые Советский Союз использовал в качестве повода для нападения. В 1991 г. появилась публикация, озаглавленная «Газета советского парламента признала выстрелы в Майнила». Московский корреспондент *Helsingin Sanomat* Мартти Валконен писал о заключении, что Советский Союз сам осуществил выстрелы в Майнила в 1939 г., сделанном Виктором Степаковым[7] на основе выявленных архивных материалов.

В 1989 г. появилась статья на целую газетную полосу, озаглавленная «Московское радио признает: Сталин хотел присоединить Финляндию к Советскому Союзу». В процитированной программе указывалось, что целью Советского Союза было в действительности объединить Финляндию как часть с Финско-Карельской советской республикой Куусинена. В той же статье цитировался также российский исследователь, который писал в газете «Московские новости», что со стороны Финляндии зимняя война была справедливой, а со стороны Советского Союза несправедливой (Helsingin Sanomat. 1989. 30.11). Эта и подобные публикации создавали как противоречивый, так и положительный образ России. В целом они утверждали «финскую правоту» в отношении Зимней войны и рисовали агрессивные захватнические намерения России, которая лгала о своем прошлом. С другой стороны, они выстраивали при этом образ меняющейся, обновляющейся и демократизирующейся России, в которой можно дискутировать о проблемах и болезненных делах прошлого.

В 70-ю годовщину Зимней войны (2009–2010 гг.) произошел резкий поворот в российской дискуссии. Основное внимание публикаций было уже обращено не на великую державу Россию и безликую Красную армию, но прежде всего на собственный личный военный опыт финнов, на беженцев и эвакуируемых, а также на тыл. Прежний образ России был еще актуален, но в целом он явно переставал быть однообразным. В то время как в посвященных Зимней войне публикациях внимание концентрировалось на испытаниях финского гражданского населения и отдельных лиц, образ русского становился более разнообразным в силу знакомства с личными переживаниями и новыми интерпретациями исследователей. Примером такого образа новой России была статья редактора по вопросам культуры Кирсикки Моринг (Helsingin Sanomat. 2009. 23.11) об осуществляемой финскими и российскими писателями постановке

спектакля о Зимней войне. В статье со слов принимавших участие в войне писателей излагались разные представления о Зимней войне. «Атмосфера накаляется, когда новое поколение финских и русских драматургов берутся писать совместно пьесу о Зимней войне. Споры приведут к "зимней войне писателей"». Русские, представленные в статье, не знали о Зимней войне и заложниках военной истории, но, однако, тоже стремились найти своих знатоков истории той войны. В контексте описания начавшейся Зимней войны часто преобладает образ сбитого с толку русского, который не понимает причин войны или испытывает стыд за нее. Таким был образ молодой медсестры Надежды Федоровны, ехавшей в Карелию на санитарном поезде, для которой «война осталась непонятной». «С Финляндией война связана, и поэтому она говорит о Финляндской войне. И говорили о войне по-разному, Надежда Федоровна ее не видела» (Helsingin Sanomat. 2009. 15.12).

На образе России как державы после крушения Советского Союза негативно сказался исторически сложившийся образ агрессивного государства. Этот образ, однако, более не смягчался упоминанием современных хороших отношений или важностью поддержания обоюдного доверия. Россия как великая держава также оказалась в новом контексте, когда финская Зимняя война стала сравниваться в войнами в Чечне и Грузии. Возникли новые спекуляции: «Если бы Зимняя война закончилась иначе, финнов ожидало массовое убийство как поляков в Катыни[8]» (Helsingin Sanomat. 2010. 18.04). С наибольшей очевидностью Зимняя война и образ агрессивной России нашли отражение в опубликованной 5 марта 2010 г. в *Helsingin Sanomat* статье «А если бы Зимняя война началась сейчас?». Помимо финской прессы на это отреагировали также и российские газеты[9], что, вероятно, сделало термин «Зимняя война» более известным в России, чем российские исследования, опубликованные по этой теме за целое десятилетие. В статье размышляли, какой оказалась бы современная картина войны, если бы Россия напала на Финляндию. «Комсомольская правда» сама прямо связала публикацию в *Helsingin Sanomat* с ситуацией войны России и Грузии. По мнению газеты, новость *Helsingin Sanomat* напомнила о фантазиях грузинского телевизионного канала о начавшейся новой войне между Грузией и Россией, вызвавшей панику в Грузии. Российская газета связала это и с сообщениями о стремлении Финляндии в НАТО, что оспаривал редактор *Helsingin Sanomat* (Helsingin Sanomat. 2010. 22.03). В переписке отдела писем и в комментариях в интернете, напротив, образ враждебной России и присоединение к НАТО являлись предметом живого обсуждения.

Зимняя война и пакт Молотова–Риббентропа метафорически соседствуют в образе России, причем не только в собственно военно-исторических интерпретациях. Прежний автор передовиц в *Helsingin Sanomat* Олли Кивинен рассматривал как чрезвычайное вмешательство российского детского омбудсмена Павла Астахова в возникший в Турку спор между финско-российской семьей и социальными служащими о детях, так и интерпретации российских дипломатов

и военного журнала о войнах Советского Союза против Финляндии (Helsingin Sanomat. 2010. 13.04). Колонка Кивинена, как и статья «А если бы Зимняя война началась сейчас?», воспроизводили относительно неизменный образ великой державы России в рамках иррациональной интерпретации. «В отношениях России и Финляндии в последнее время заметны морщинки, которые ставят под сомнение широкие улыбки и заверения дружбы между странами при встрече глав государств», — начинал свою колонку Кивинен. Он приходил к выводу, что Россия не изменилась, она преследует ту же самую политику сфер интересов, как ранее Советский Союз, и поэтому к ней нет доверия.

Образ не внушающей доверия России не исчез с газетных страниц, хотя репортажи о России разнообразны. Россия как агрессивная и непредсказуемая великая держава в изображающем ее дискурсе становится метафорой Зимней войны. Тема Зимней войны способна возникнуть даже в связи с обсуждением военных действий России в Чечне и против Грузии, а также в том случае, когда речь идет об общих проектах финских и российских писателей (Helsingin Sanomat. 2009. 23.11), членстве Польши в НАТО и массовых расстрелах в Катыни (Ibid. 2010. 13.04; 18.04). В этих рамках метафора Зимней войны как продуцент образа России подчеркивает черты беззаконного агрессора и безнравственного военного преступника.

От утверждения доверия к демонстрации подозрения

Итак, отличается ли образ соседа времени Зимней войны в период финляндизации от того образа России, который возник после крушения Советского Союза? Если отличается, то в чем заключается отличие? Помимо этого, в статье ставился вопрос о трех различных основных категориях образа Советского Союза / России. Таковыми являются его определение в рамках рациональной европейской великодержавной политики, в рамках иррациональной интерпретации и в рамках дискурса доверия.

В качестве итога можно обосновать спорный тезис, согласно которому финляндизация имела большое влияние на создаваемые *Helsingin Sanomat* образы Зимней войны и Советского Союза в связи с ней. Весь рассматриваемый период газеты придерживались довольно традиционных исторических интерпретаций. Можно даже сказать, что окончание этого периода не принесло новых толкований, но скорее закрепило существовавшие. Значительное отличие от более раннего периода заключается в том, что история Зимней войны ранее излагалась в соответствии с упрощенной национальной традиционной историографией, когда выпадали элемент дружбы и необходимость укрепления доверия, касающиеся «уроков Зимней войны». При этом критический анализ политики самой Финляндии в предшествующий период и более широкого европейского контекста почти исчезал из картины. Основное внимание сосредотачивалось, с одной стороны, на представляемых российскими исследователями финских

интерпретациях, а с другой стороны, на суждениях о моральном оправдании Зимней войны. Образ рационально и оборонительно реагирующего на политику Германии Советского Союза оставался на заднем плане и в рамках иррациональной интерпретации замещался объяснениями, подобными пакту о сферах влияния Молотова–Риббентропа. В этом образе Советский Союз / Россия представал без какого-либо смягчения агрессивной великой державой, против которой Финляндия вела победную оборонительную войну.

С другой стороны, Пентти Райттила, основываясь на проведенных во время 50-летней годовщины Зимней войны тематических интервью, пришел к выводу, что «презрительное и враждебное отношение к русским в войну и довоенное время в 1989 г. было уже маргинализованным в финской культуре». Интересно и то, что представление о недоверии русских появляется и в материалах тематических интервью Райттила в 2011 г., и в собранных в статье в *Helsingin Sanomat* материалах 2009–2010 гг. В этом материале образ России конструируется в пределах подчеркивающей недоверие иррациональной интерпретации.

Другим отличительным нюансом времени финляндизации в публикациях является то, что стали публично обсуждаться наименее существенные до 1991 г. в политической повестке вопросы после распада Советского Союза — возвращение Карелии, отношение к судебному процессу над военными преступниками и прежде всего спорность послевоенной восточной политики.

Дискуссию об этой внешней политике можно также называть дискуссией о финляндизации, в которой сильно было моральное измерение. Актуализация этих вопросов также сама по себе подчеркивала моральные аспекты образа России и противопоставление сражавшейся в Зимней войне за справедливость Финляндии и несправедливо напавшей великой державы. Таким образом, в подчеркивающем моральное измерение нарративе уже не было места для обращения к реальной политике Паасикиви и рассмотрения России в рамках ее великодержавной политики. При этом когда полагавший важным утверждение доверия дискурс сменился на тезис о моральной сомнительности России, то ранее значительно преобладавший тезис о реально-политическом «легитимном интересе безопасности» России также почти исчез из дискуссии.

Когда контекст политики безопасности возник по случаю 70-й годовщины Зимней войны, в целом он был связан с образом угрозы со стороны России. При сравнении политики безопасности России в отношении Финляндии с политикой в отношении других соседних государств в экспертных статьях приходили к выводу о важности национальной оборонительной политики Финляндии: «Если на нас нападут, лучшими средствами для выживания должны быть внушающая доверие территориальная система обороны, а также «дух Зимней войны»» (Helsingin Sanomat. 2010. 25.02). Как, например, в статье, а также в тематических интервью Райттила 2011 г. Россия считается угрожающей в какой-то точно не определенной ситуации. В этом отношении в образе России, как представляется, не произошло больших изменений. Скорее

изменились риторические средства при ее изображении. В этом образе прежде недоставало сильных уравновешивающих факторов, которыми были показ европейского фона Зимней войны и ее уроки, а также дискурс доверия. Интерпретация России всё больше выходила за пределы рационального, оказываясь в сфере иррационального.

---

1 *Kalela J.* Politics of history and history politics. Some conceptual suggestions as to political aspects of history // Ajankohta. Poliittisen historian vuosikirja 2004. Turku, 2004. S. 6–7.

2 Ibid. S. 8.

3 Сеппо Хентиля использует в своем исследовании, помимо прочих, понятия «историческая политика» и «историческая культура», заимствованные из германской истории. Дискуссия о политическом использовании истории и связанной с этим управлением истории началась в Германии в 1980-х гг. с обсуждения нацистского прошлого. Юрген Хабермас вместо исторической политики говорил о публичном использовании истории. (См.: *Hentil*ä *S.* Ovatko nuo oikeita työläisurheilijoita?: Saksalaisia arvioita TUL: n huippu-urheilusta ja -urhelijoista 1920-luvulla. Helsinki, 1994).

4 *Kettunen P.* Kansallisen katseen voima ja voimattomuus // Ajankohta: poliittisen historian vuosikirja 2003. Helsinki, 2003. S. 9.

5 См.: *Salminen E.* Vaikeneva valtiomahti. Neuvostoliitto / Venäjä Suomen lehdistössä 1968–1991. Helsingfors: Edita, 1996; *Vihavainen T.* Kansakunta rähmällään. Helsinki: Otava, 1991. Согласно Вихавайнену, выросшая из советских отношений «элита» загнивала, а народ сохранил прежнее отношение к соседу.

6 Финляндия исходила из того, что ориентация на государства Скандинавии и соглашение о ненападении 1932 г. были достаточными гарантиями безопасности для Советского Союза, когда в 1938–1939 гг. Советский Союз снова потребовал конкретных мер безопасности, в числе прочих переноса линии границы от Ленинграда дальше на Карельском перешейке и аренды нескольких островов под базы. Финляндии предложили территории в Восточной Карелии в обмен на пересмотр границы на Карельском перешейке.

7 Два сочинения Степакова были в следующем году переведены на финский.

8 Сотрудники НКВД весной 1940 г. казнили в Катынском лесу по разным оценкам около 22 тыс. арестованных поляков.

9 Из российских газет всё же «Комсомольская правда» и «Метро» опубликовали показательные материалы о деле.

References

HENTILÄ S. *Ovatko nuo oikeita työläisurheilijoita?: Saksalaisia arvioita TUL: n huippu-urheilusta ja -urhelijoista 1920-luvulla.* [And these are real athletes? The German assessment of records and athletes of Worker's Sport Union. In Finnish]. Helsinki, 1994.

KALELA J. *Politics of history and history politics. Some conceptual suggestions as to political aspects of history* // Ajankohta. Poliittisen historian vuosikirja 2004. Turku, 2004. S. 5–26.

KETTUNEN P. *Kansallisen katseen voima ja voimattomuus* [Power and powerlessness of national opinion. In Finnish] // Ajankohta: poliittisen historian vuosikirja 2003. Helsinki, 2003. S. 6–13.

SALMINEN E. *Vaikeneva valtiomahti. Neuvostoliitto/Venäjä Suomen lehdistössä 1968–1991.* [Silent state power. USSR/Russia in Finland's Press. In Finnish]. Helsingfors: Edita, 1996.

VIHAVAINEN T. *Kansakunta rähmällään.* Helsinki: Otava, 1991.

**Маркку Кангаспуро. Финляндия и Россия в затянувшейся войне?
Преходящее и неизменное в образе России времен Зимней войны**

В статье анализируются изменения в образе Советской России, которые находили отражение в средствах массовой информации Финляндии (прежде всего в прессе) в период конца 1970-х — 2000-х гг. Прежде всего, менялись риторические средства, которыми описывался образ России. Изменения в нюансах обусловливались внутриполитической ситуацией в Финляндии. Вместе с тем, интерпретация России всё больше выходила за пределы рационального, оказываясь в сфере иррационального.

Ключевые слова: Финляндия, Зимняя война, 1939–1940, СССР, газеты, образ, угроза, интерпретация.

**Markku Kangaspuro. Finland and Russia in the protracted war?
Transient and immutable in the image Soviet Russia since the Winter war**

The article analyzes changes in the image of Soviet Russia, which was reflected in the media of Finland (especially in the press) during the late 1970s and 2000s, First of all, has varied rhetorical means, which described the image of Russia. Changes in nuances due to the political situation in Finland. However, interpretation of Soviet Russia more and more went beyond the rational, appearing in the sphere of the irrational.

Key words: Finland, Winter war, 1939–1940, the Soviet Union, newspapers, image, threat, interpretation.

Кангаспуро, Маркку — Ph.D., Александровский институт, Финский центр российских и восточноевропейских исследований (Хельсинки).

Kangaspuro, Markku — Ph.D., Aleksanteri Institute, Finnish Centre for Russian and East European Studies (Helsinki).

E-mail: markku.kangaspuro@helsinki.fi